

Для России она особенно актуальна. Ведь вопрос: «Куда идет Россия?» — стоит перед ней в разных обликах уже несколько столетий. А сейчас он зазвучал по-новому. И теория исторического процесса может помочь ей в осмыслении ее собственных перспектив.

Думаю, что первый шаг в разработке такой теории уже сделан. У нас нет научных оснований отказываться от теории общественных формаций. Но и в том виде, как она существует в классическом марксизме, ныне уже не может служить единственным основанием современной теории исторического процесса. И если мы хотим эту теорию разрабатывать, то уже не можем ограничиваться только формационным подходом.

Поэтому вполне естественным стало привлечение к анализу исторического процесса наряду с формационным методологии цивилизационного подхода. При этом как метод он был освобожден от непосредственной связи со взглядами классиков теории локальных культур и цивилизаций, что придало ему современный вид и т.д. Но это только начало. Думаю, что задача создания теории исторического процесса (или общественного развития), учитывающей современные реалии и проблемы, отвечающей достигнутому уровню познания природы и общества, способной служить основой для осмысления динамики социального бытия, существует, может быть, как сверхзадача, и философия отказаться от нее не может.

В.С. БАРУЛИН (МГУ им. М.В. Ломоносова)

О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Последнее десятилетие я занимаюсь разработкой социально-философской антропологии, то есть всеобщих философских законов, принципов, раскрывающих то, как человек создает общество, как он существует и развивается в этом обществе, как общество выступает средством и формой человеческого самосознания, реализации его потенциала, осуществления человеческого в человеке¹. Поскольку социально-философская антропология тесно переплетается с социальной философией (в определенном отношении социальная философия является одним из источников социально-философской антропологии), поскольку, по моему мнению, отношения между социальной философией и социально-философской антропологией вскрывают особый тип связи между различными философскими направлениями, изучающими взаимоотношения человека и общества, постольку я посчитал полезным принять участие в обсуждении проблем социальной философии. Ибо, как я полагаю, с позиций социально-филосо-

Барулин Владимир Семенович (р. 1931) — доктор философских наук, профессор, известный социальный философ, признанный специалист по историческому материализму и социальной философии, создатель антропологического направления в социальной теории и социально-философской антропологии, профессор кафедры философии МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор монографий «Соотношение материального и идеального» (М., 1977), «Диалектика сфер общественной жизни» (М., 1982), «Социальная жизнь общественной жизни» (М., 1986), «Исторический материализм. Современные тенденции развития» (М., 1986), «Социальная философия. Учебник» (М., 1993; 2-е изд. 2000), «Российский человек в XX веке. Очерки социально-философской антропологии» (М., 1997), «Основы социально-философской антропологии» (М., 2002) и др.

¹ Наиболее развернутое изложение моих взглядов см. в моей книге «Основы социально-философской антропологии». М., 2002.

софской антропологии более рельефно раскрываются некоторые фундаментально-качественные черты социальной философии.

Законы социальной философии и социально-философской антропологии относятся к одной реальности. Эта реальность — человек в его общественном мире, человек и общество в их единстве, в их бесконечном сцеплении и переплетении связей и взаимодействий. Иными словами, человек и его общественный мир — это нечто единое и единственное. Вместе с тем, следует отметить, что этот мир — человек-общество — бесконечно сложен, многокачествен, многогранен, многосторонен. Более того, этот мир беспредельно глубок, неисчерпаем. Все это обуславливает исключительную сложность познания этого мира. Если же к этому добавить, что этот мир непрерывно развивается, что у истоков его развития стоит бесконечный, творчески свободный импульс человека, то вполне можно утверждать, что задача полного, исчерпывающего познания этого мира принадлежит к очень отдаленной перспективе.

Но если человек-общество — столь сложный, многокачественный, многосторонний объект, то отсюда следует, что на почве познания этого объекта, его законов, разных граней этого объекта могут развиваться совершенно различные системы знания вообще, философского знания, в частности. Как мы полагаем, социальная философия и социально-философская антропология и сформировались, и ориентированы на познание разнокачественных, разноракурсных законов объекта — человек-общество.

Если социальная философия представляет собой философское учение об обществе, в основе которого положена социоцентристская ориентация, то социально-философская антропология представляет собой философское учение о человеке, его взаимосвязи с обществом, в основу которого положена антропоцентристская ориентация². Естественно, социальная философия включает человека в орбиту своих проблем, но при этом преобладающей является социоцентристская доминанта. Из этого вытекает принципиальное различие законов, принципов социальной философии и социально-философской антропологии. При этом мы хотим особо подчеркнуть, что разность зако-

² «Проблема социальной философии — вопрос, что такое, собственно, есть общество, какое значение оно имеет в жизни человека, в чем его истинное существо и к чему оно нас обязывает» — См.: Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. М., 1992. С. 17.

нов в данном случае это не простое различие законов в рамках одного качества, одного ряда и т.д. Нет, речь идет именно о разных, несовпадающих ракурсах бытия человека и общества и о различии законов, принадлежащих к разным качествам бытия человека и общества.

Если существуют такие разноракурсные законы, то, естественно, встает вопрос о их соотношении друг с другом. В науке определен механизм их соотношения — это принцип дополнительности. Причем этот принцип действует не только в естествознании, физике, точных науках. Нильс Бор справедливо писал: «Цельность живых организмов и характеристики людей, обладающих сознанием, а также и человеческих культур представляют черты целостности, отображение которых требует типично дополнительного способа их описания»³.

Как мы полагаем, отношение дополнительности складывается и между двумя ветвями философского знания — социальной философии и социально-философской антропологии.

Выделим некоторые моменты действия принципа дополнительности, конкретизирующие, на наш взгляд, этот принцип, позволяющие глубже понять соотношение законов социальной философии и социально-философской антропологии.

Автономность законов. Суть этого момента заключается в том, что законы социально-философской антропологии и социальной философии существуют автономно по отношению друг к другу. Каждый из этих классов законов действуют и разворачиваются в своем пространстве, не пересекаясь, независимо друг от друга.

Иначе говоря, между этими законами существует определенная дистанция. Эта дистанция — бытие законов в разных социально-пространственных орбитах.

Невыводимость законов друг из друга. Этот принцип означает, что как законы социальной философии нельзя выводить из законов социально-философской антропологии, так и законы этой последней нельзя выводить из социальной философии. Эта взаимная невыводимость объясняется все тем же уже упоминаемым обстоятельством: это законы разных ракурсов, разных пространств бытия человека и общества. Конечно, в реальной действительности эти законы взаимопереплетены, взаимосвязаны. Но эта реальная взаимосвязь не отменяет их взаимной невыводимости.

³ Бор Н. Квантовая физика и философия. ЕАУ/Т. 67. Вып. 1. 1959. С. 42.

Взаимная неэталонность принципов и требований законов. Этот принцип вытекает по существу из предыдущего. Ибо, если законы невыводимы друг из друга, то тем более невыводимы, неэталонны отдельные принципы, требования этих законов. Например, в историческом материализме решающей детерминантой развития общества признается развитие материального производства. Это совершенно верное утверждение в рамках определенной модели социально-философского видения общества. Но, если бы кто-то попытался на основании этого утверждения настаивать, что и в социосозидательной деятельности человека главное — это материальные факторы, он совершил бы грубую ошибку. Точно так же положение о духовности человека как важнейшей стороны его сущности, на наш взгляд, верно в рамках социально-философской антропологии. Но делать отсюда вывод, что духовные факторы в обществе всегда играют важнейшую роль, — опрометчиво.

Содержательность проблемы истины с соответствующими классами законов. Если законы социальной философии и социально-философской антропологии разноракурсны, если они автономны и отражают действительность каждая под своим углом зрения, то отсюда следует, что проблема истины неразрывно сопряжена со своим классом законов. Она — истина — действительна и непротиворечива только в рамках своего класса законов. Ее же судьба как истины в рамках своего класса открыта. Отсюда следует, что необходимо отнестись с большим подозрением к попыткам утверждать истину вообще, истину в целом применительно к взаимоотношениям человека и общества. Приближение к адекватному философскому отражению сложного мира человек-общество осуществляется как интеграция множества истин, между которыми отнюдь не исключены моменты несогласованности, противоречивости.

Сделаем некоторые выводы относительно современного философского познания жизни человека и общества, вытекающие из предыдущих рассуждений.

Исчерпанность монопредметного философского познания человека и общества. Когда в рамках общего философского развития предметно сформировалась социальная философия как учение о законах общества-человека, то сформировалось мнение о том, что социальная философия по своей предметной ориентации является единственной и исчерпывающей философской наукой об обществе и обо всем, что с

ним связано, т.е. в первую очередь, об общественном человеке. Это мнение не было рельефно эксплицировано и жестко заявлено, тем не менее, в среде философов оно было достаточно стойким. На определенном этапе развития философской культуры, когда сложилась социальная философия, когда не развились философская антропология и ее разные модификации, определенные основания для подобных притязаний социальной философии были, ибо она брала на себя весь комплекс проблем социального бытия человека. Но это время ушло в прошлое. Сегодня, со становлением социальной, социально-философской антропологии социальная философия, на мой взгляд, не может считаться единственной, предметно исчерпывающей ветвью философского познания человека и общества.

Предметная плюралистичность философского познания человека и общества. Из отрицания предметной универсальности и единственности социальной философии вытекает принципиальное признание определенной плюралистичности, разноаспектности философского познания человека и общества. Мы хотим в данном случае подчеркнуть, что речь идет не просто о разных философских сюжетах в области человека, общества, их взаимоотношений, не о появлении новых тем, возникновении новых проблем. Такой экстенсивный процесс всегда был составной частью развития философского познания человека и общества. Нет, речь идет о более глубоких преобразованиях, о выявлении новых ракурсов в системе человек-общество и о конституировании новых философско-предметных парадигм. Иными словами, речь идет о том, что может быть названо парадигмальным плюрализмом, о появлении иных философских систем, принципиально отличных от социальной философии. В данном случае речь идет об отличиях предметных парадигм социальной философии и социально-философской антропологии. Уже этот шаг от философской монопредметной ориентации к предметному дуализму, на мой взгляд, достаточно важен. Но, как я полагаю, это лишь один из первых шагов, учитывая многокачественность, многоуровневость, многокурсность, беспредельность мира «человек-общество», вполне можно допустить раскрытие новых ракурсов данного мира и, соответственно, появление новых философских предметных ориентаций. Так что философская рефлексия человека и общества может включать в себя не одну, не две, а энное количество предметных парадигм.

Как я полагаю, возможная множественность философских парадигм связана в конечном счете с тем, что речь идет о таком совершенно уникальном явлении, как Человек. Отсюда — бездонность, беспредельность ракурсов философской рефлексии.

В заключение несколько слов о той «угрозе», которую несет социально-философская антропология социальной философии. Если под «угрозой» понимать претензии социально-философской антропологии на какую-то область из предметной среды социальной философии, то такой «угрозы» просто не существует.

С позиций социально-философской антропологии, все богатство, разнообразие предметной ориентации социальной философии без всяких исключений, включая сюда и социально-философское исследование человека, остается безусловной суверенной территорией социальной философии. Никаких пределов развития этой предметной ориентации, разумеется, нет и быть не может. Но что касается притязаний на универсальность, единственность социальной философии в смысле философского осмысления отношений человека и общества, то в этом отношении социально-философская антропология, расправя свой ракурс философского анализа взаимосвязи человека и общества, тем самым как бы высвечивает качественный процесс социальной философии. Это взаимное «ограничение» социоцентристски ориентированной социальной философии и антропоцентристски ориентированной социально-философской антропологии есть не взаимное соперничество, а отражение в философском познании сложной, противоречивой, многокачественной реальности — взаимосвязи человека и общества.

К.С.ПИГРОВ (Санкт-Петербургский госуниверситет)

ЕЩЕ РАЗ О ПРЕДМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Основания дифференциации философских дисциплин

Чтобы осмысленно ответить на вопрос о предмете социальной философии, следует вкратце указать на те принципы дифференциации философских дисциплин, которые реально бытийствуют сегодня.

Первое основание дифференциации коренится непосредственно в самом предмете философии. Скажем, Кант полагал, что структура философии принципиально троична. В нее входит логика, физика и этика. Логика формулирует законы правильного мышления. Приложение разума к области необходимости дают физику. Приложение разума к области свободы дает этику. Физика и этика являются философскими науками в своей рациональной части, поэтому, по Канту, их следует называть соответственно метафизикой природы и метафизикой нравственности. С такой точки зрения социальная философия является модификацией метафизики нравственности, поскольку она есть приложение разума к области свободы.

Социальная философия, как и остальные философские науки, возникает под воздействием новоевропейской ментальности, которая хотя и признает возможность *системы* наук, но полагает эту систему не статичной, раз и навсегда данной, скажем, в разделении на логику, физику и этику, а *развивающейся*. Возможно ли ограничивать предмет философии в этом столь многообразном развивающемся мире только тремя частями, которые выделял Кант? Имея один предмет — *всеобщее*, различные философские дисциплины идут к постижению его

Пигров Константин Семенович (р. 1938) — доктор философских наук, профессор, известный социальный философ, крупный специалист в области философских проблем творчества. Автор многих работ, в т.ч. «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы» (Л., 1979), «Социально-философские проблемы творчества» (Л., 1982), «Творчество и современность» (Л., 1982); «Философские аспекты научно-технического творчества» (М., 1987; в соавторстве), «Очерки социальной философии. Учебное пособие» (СПб., 1998) и др.